

Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 годов. Часть 4

DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/82-106

Публикацию подготовил: Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: prohist@ya.ru

Знак «"» в тексте источника заменён на знак «ъ»; исправления, внесённые в текст сразу после его написания, включены в публикацию. Исправлены однозначные опечатки и изъяты избыточные знаки препинания. Сохранён авторский грамматический стиль и способ написания слов. Все редакторские пометки и исправления помещены в квадратные скобки []. Документы имеют перекрёстные ссылки, поэтому в части материалов проставлена оригинальная пагинация страниц в угловых скобках < > в месте начала каждой страницы за исключением первой.

Окончание. Начало см.: Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 89–113; Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 129–146; Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 137–154.

№ 9

Доц. Т. Д. ЧЕРВОНЕЦКИЙ

К СМОТРУ КАФЕДРЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.
1936 г.

ЗАВЕДЫВАЮЩЕМУ КАФЕДРОЙ КИТ. ЯЗЫКА
ПРОФЕССОРУ А. В. РУДАКОВУ

КОПИЯ: ДИРЕКТОРУ ДВГУ
БЮРО ПАРТКОЛЛЕКТИВА У-ТА
СЕКЦИЯ Н. Р. ДВГУ

В ОТВЕТ НА "МАТЕРИАЛЫ" И "ВЫВОДЫ" ПО ИТОГАМ
ОБСЛЕДОВАНИЯ РАБОТЫ КАФЕДРЫ КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКА ВОСТ. ФАК. ДВГУ ОТ 8 ЯНВАРЯ 1936 ГОДА.

I.

В бытность Бисмарка германским рейхсканцлером, с.-д. Фракция рейхстага внесла запрос о случае смерти женщины от родильной горячки в одной из городских больниц, причем интерpellянт долго распространялся на тему о том, что такой случай, мыслимый еще в варварской России, совершенно недопустим в культурной Германии.

Отвечая потом на этот запрос, Бисмарк сказал следующее:

– По наведенным правительством справкам, случай смерти в указанном запросе больнице действительно был, но умерла НЕ ЖЕНЩИНА, а, БАРАБАНЩИК, и не от РОДИЛЬНОЙ ГОРЯЧКИ, а от ЗАПОЯ.

Этот смехотворный случай невольно пришел мне на память при чтении первых же строк "Материалов" и "Выводов" по обследованию кафедры китайского языка, произведенному бригадой т. т. ФЕКЛИНА, ДЕНИЩЕНКО и ПОТАПОВА.

САМО СОБОЮ РАЗУМЕЕТСЯ, ЧТО В ДАННОМ ОТЧЕТЕ Я БУДУ ГОВОРИТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПО ТЕМ ЧАСТЯМ, КОТОРЫЕ КАСАЮТСЯ МЕНЯ И Т. ЧЖАНА.

Для цитирования:
Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 учебного года. Часть 4 // Известия Восточного института. 2021. № 4. С. 82–106.
DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/82-106

Отчет бригады представляет обширный (на 21 полулиста) обвинительный акт, состоящий из двух частей: "Материалы"¹ (16 стр.) и "Выводы"² (5 стр.), и хотя последние представляют сводку данных первой части, но и они не свободны от повторений по несколько раз одних и тех же утверждений. Поэтому, при всем желании ответить бригаде по каждому пункту ее отчета отдельно, я вынужден буду ограничиваться для ответа кратким суммированным материалом по важнейшим его разделам.

¹ Документ № 2.

² Документ № 3.

При чтении отчета сразу бросается в глаза пронизывающая его насквозь тенденция – представить студентов кит. отд. невинными агентами, страдающими от применения научными работниками кафедры в их преподавательской работе старорежимных методов, идущих в разрез с основами советской методики преподавания иностранных ("Выводы" – в дальнейших ссылках "В", стр. 5, – "Материалы" будут обозначаться буквой "М", цифра рядом – № страницы).

1. Так, отчет отмечает: "хорошую дисциплину группы" I к. "аккуратные записи в тетрадях" (М, 4). Тоже в отношении II к., кроме того: "Аудитория, повидимому, имеет все возможности работать активно над языком. Здоровое отношение к работе". <стр. 2> "Аудитория тепло встречает лекторов (т. Чжана). Ответы довольно живы" (М, 5). Отмечается (М, 6) инициатива студентов: "Студенты просят профессора дать, кроме заученного материала к зачетной сессии, по примеру японской кафедры, свежие газетные заметки индивидуально каждому студенту" (IV к.).

Рассыпая комплименты по адресу студентов, бригада не замечает вопиющих противоречий, в которые тут же впадает. Т. Феклин, отмечая хорошую дисциплину, констатирует, что на I к. из 13 чел. Студентов присутствуют только 10, т. е. 77%, и на III к. – из 9 чел. – только 5, т. е. 55%.

"Пока спрашивается один студент (II к.) 6–8 минут, остальные занимаются "своими делами". "Зачастую отвечают хором, без вызова лектора" (М, 5).

Бригада как-бы не замечает заявления пр. Рудакова: "Следует заметить распушенность и халатность в отношении к занятиям, наблюдающиеся на III к. (факты отмечены статьей в "Тр. Ун-та") (М, 10).

Наряду с этим бригада отмечает: "Группа (I к.) оставляет впечатление пассивной аудитории" (М, 4) "...безупречно корректное отношение его (т. Чжана) к аудитории, встречающее, к сожалению, со стороны отстающих студентов порой далеко не тактические приемы в форме упорных отмачиваний на задаваемые им лектором вопросы". "Наиболее отстающие сидят на задних партах и даже не пытаются проявить какую-либо активность. Урок проходит вяло, несмотря на наличие у лектора всех необходимых для активизации качеств" (М, 5). "Сидящие на задних партах (II к.) вяло участвуют в работе". "...в разговоре участвуют лишь 2–3 активных студента, остальные крайне пассивны... несмотря на вполне нормальные взаимоотношения лектора и студентов, аудитория крайне пассивна" (М, 6). "... всеобщее вялое нерабочее настроение, слабые переводы, отсутствие заинтересованности студентов к проходимому материалу (III к., М, 6), "разговор на уроках ведется совершенно бессистемно, вяло и неинтересно" (IV к., М, 6).

Чем же объясняет бригада такую вялость и пассивность студентов?

"Преподаватель (т. е. я – Т. Ч.) слишком много дидактически разглагольствует с аудиторией, ведя беседу в форме выговоров, зача-

стю в слишком утрированно-патетической манере. Частые его дидактические сентенции разрывают нить педагогического процесса, будоражат необходимое для рабочего сосредоточения настроение и, несомненно, расхолаживают студентов. Обильное излияние в глубоко-копессимистическом тоне порицающих сентенций, несомненно, уже стало привычным для аудитории, воспринимается ею иронически и, конечно, содействует лишь расхолаживанию рабочего настроения... Несомненно, немалую способствующую роль здесь в понижении тона рабочего настроения играет описанный выше метод преподавателя (вероятно, преподавательского – Т. Ч.) воздействия на студентов: если успевающие и проявляют хоть ничтожную активность в самостоятельном составлении разговорных фраз под градом сыплющихся упреков в ничегонеделании, то отстающие студенты обречены почти на полное пассивное слушание заведомо нерасполагающих их к активной работе над языком отношением к ним преподавателя" (М, 4. ТОЧНАЯ ВЫПИСКА).

Это на I к. На II-м отчет отмечает: "Но все эти хорошие качества принимают общий фон глубочайшей пассивности при работе под руководством преподавателя (т. е. моим). Его метод взаимоотношений с аудиторией отличается теми же качествами, <стр. 3> которые упомянуты нами при описании ведения семинара на I к. (см. выше). Нервирующий тон преподавателя создает беспокойную рабочую обстановку. Процесс его разрывается спорами студентов с преподавателем, напр., по моментам произношения" (М, 5).

III к. "Следует отметить общий, повидимому, для всех курсов выше нами описанный тон преподавателя в обращении к студентам. Все те же непрерывные выговоры... обескураживающие даже неробких студентов, не говоря уже об отстающих".

Итак, одна причина найдена – несоответствующий тон преподавателя Червонецкого.

Но вот в отношении пр. Рудакова бригада констатирует "Профессор вдумчиво и крайне корректно подходит к ответу студента" (М, 6), а у т. Чжана отмечает: "...безупречно корректное его отношение к аудитории. Лектор вполне активен. Речь его хорошей дикции и идет беспрерывно. По-русски почти совершенно не говорит. Незнакомые термины пишет на доске четкой иероглификой" (М, 5), а тем не менее, как мы видели выше из слов той же бригады, результат такой же, как у "некорректного" Червонецкого...

Надо думать, что студенты, увидя меня впервые, впадают в известный транс, в каковом и пребывают все время своего обучения в Университете. Если же это не так, то, очевидно, надо признать, что "дидактические разглагольствования", на которые так упирает бригада, не объясняют причин пассивности студентов, и этих причин надо искать в чем-то другом.

Я позаймусь этим ниже в п. п. I–IV.

2. Говоря о постановке преподавания китайского языка на кафедре, отчет отмечает: "Повсюду скользит безответственное отношение к делу подготовки действительных специалистов китайского языка (М, 3), а далее (М, 11) – "формальное отношение кафедры к студенческой массе"...

Бригада утверждает:

а) "На II к. времени для проработки и усвоения нового материала отводится недостаточно. В течение 6-[дней]ки студент получает 80–110 НОВЫХ ИЕРОГЛИФОВ (дается разбивка количества их по элементам языка). Студенты жалуются на поверхностность проработки, особенно по газетному стилю, – материал, разобранный на предыдущем занятии, КАК ПРАВИЛО, на следующем занятии НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ. Поскольку весь материал разбирается на уроке без предварительной подготовки со стороны самого студента, результаты такой ОДНОКРАТНОЙ проработки весьма невысоки" (М, 3).

Следовательно, идет яко-бы ПОГОНЯ ЗА КОЛИЧЕСТВОМ ИЕРОГЛИФОВ, ЗА КОЛИЧЕСТВОМ ПРОЙДЕННОГО, В УЩЕРБ ДЛЯ КАЧЕСТВА ПРОРАБОТКИ.

б) Занятия по теории разговорного языка на III к. "носят ярко выраженный отрицательный характер. Метод преподавания на этих курсах НЕ ТОЛЬКО НЕ ПРИУЧАЕТ СТУДЕНТОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ, но, наоборот, заглушает проявление всякой самостоятельности в учебе". И ниже: – "При опросе студентов 3–4 курсов я (студ. представитель – Т. Ч.) не нашел положительных сторон в работе кафедры" (М, 3). "Студенческий представитель по обследованию 1–2 курсов отмечает следующее: "САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ НА 2-М КУРСЕ СВОДИТСЯ ЛИШЬ К ПОДЫСКИВАНИЮ НОВЫХ ИЕРОГЛИФОВ К КАЖДОМУ УРОКУ ПО ТЕОРИИ <стр. 4> РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА. Отсутствие какой либо самостоятельности в проработке газетного материала на II к. вызывает всеобщее недовольство студентов" (М, 8).

"Ст. Представитель 3–4 курсов находит, что различия в методах преподавания на младших и старших курсах почти не наблюдается. Незаметно постепенного перехода преподавания от пассивного восприятия к активной самостоятельной работе студентов" (там же).

Это указание на ОТСУТСТВИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НАД УЧЕБНЫМ МАТЕРИАЛОМ повторяется неоднократно и в других местах.

в) СЛАБЫЕ НЕ УДОСТАИВАЮТСЯ ВНИМАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. В результате длительных опросов к концу урока из 10 студентов (I к.) двое не опрошены совсем" (М, 4). "Опрос аудитории неравномерен: некоторые студенты (II к.) опрашиваются 3 раза, другие – ни одного" (М, 5).

Это – обо мне. О т. Чжане говорится: "...в проработке участвуют лишь наиболее активные студенты (I к.). Остальная часть отмалчивается и т. Чжан не привлекает их к участию" (М, 3). "...разговор преподавателя ведется только лишь с передовыми студентами, преимущественно с 1–2 корейцами, отстающие сидят на задних партах и даже не пытаются проявить какую либо активность" (М, 6). "...в разговоре участвуют лишь 2–3 активных студента (II к.), остальные крайне пассивны" (М, 6).

Таким образом бригада установила, что я и т. Чжан держим, яко-бы, курс на самого сильного студента, а ОСТАЛЬНЫЕ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЕ.

Это так и записано на стр. 8-й "Материалов": "Работа с отстающими студентами кафедрой почти не ведется. Отстающим уделяется недостаточно внимания т. т. Червонецким и Чжаном. Отстающим помогают сами студенты". И далее, на стр. 9, "...нами лично замечено, что

никакой помощи отстающим студентам 1–2 курсов НА ЛЕКЦИЯХ НЕ ДЕЛАЕТСЯ: на уроках теории они сидят в крайне забитом состоянии, а на разговорной практике также лектором мало уделяется внимания, разговаривая с более успевающими".

Причину отставания некоторых студентов (кроме причин, лично относящихся к студенту) бригада видит в "...плохой постановке учебного процесса (недифференциация материала по способностям студентов, доминирует метод пассивного восприятия). У отдельных преподавателей установилось мнение в отношении некоторых студентов, как безнадежных, в виду чего этим студентам ставится оценка "плохо" как-бы по привычке, т. е. по традиции. Никакой работы кафедра с отстающими не ведет" (М, 10).

Помимо этих, для преподавателя уничтожающих, замечаний, бригада нашла:

а) Программы по читаемым мною курсам, в лучшем случае "краткий перечень дозировки теоретического материала, распределения часов по отдельным методам, указание учебных пособий". Календарных планов нет. Отсутствует дозировка иероглифов по данному курсу. Не указана целевая установка данного курса. На 2 и 3 курсах по "разгов.-литер. яз." прорабатывается одна и та же брошюра Мартынова".

"Серьезным отрицательным моментом в программах... является <стр. 5> полное игнорирование ими работы преподавателя-национала по разговорной практике и письму. Никаких методических указаний или хотя бы намёток преподавателю-китайцу не дается... за исключением голой разнарядки поручаемых ему часов В ОДНОЙ ЛИШЬ ПРОГРАММЕ" (М, 2).

б) слабое руководство и контроль над работой преподавателя разговорной практики тов. Чжан Ю-Жэнь, в результате чего – бессистемность в его преподавании и "...УВЯЗКИ ТЕОРИИ С ПРАКТИКОЙ НИКАКОЙ" (М, 3). На IV к. "часы отведенные на живую речь, используются нерационально" (М, 6).

в) "Доцент Червонецкий высказывает свое мнение невозможности латинизации современного китайского языка..."

г) "Дополнительная литература на русском и ином языках, как правило, отсутствует и кафедрой не рекомендуется" (М, 9).

д) Неуверенность кафедры в исходе зачетной сессии объясняется "формальным отношением самой кафедры к студенческой массе". А причиной констатированного мною на заседании Деканата (кстати сказать, – не впервые и не в текущем только году) упаднического настроения среди студентов бригада относит на счет "постоянно брюзгливого тона бесед этого преподавателя" (т. е. Червонецкого, М, 11).

е) Безнадежные студенты, по заявлению бригады, "устарелая фикция, нуждающаяся в должном отпоре, ...достойный осмеяния абсурд" (М, 11).

ж) Отсутствие научного кружка студентов.

з) Отсутствие оперативной работы кафедры по руководству производственной практикой студентов.

и) Студенты никогда не чувствовали существования кафедры, как организации, направляющей всю их учебную жизнь. Кафедра рассматривалась, как учреждение, чисто формальное, существующее для утверждения оценок и пр." (М, 16).

к) Заключительная часть "Материалов" устами тов. Феклина говорит: "...о засильи в учебно-производственном процессе кафедры устаревших формалистических методов работы". "Считаю работу кафедры, – заканчивает т. Феклин, – на сегодня не вполне отвечающей серьезным задачам, выдвинутым перед Востфаком, и потому СЛАБОЙ" (стр. 16).

II.

Научные работники кафедры, как и всякий здравомыслящий человек, могут только приветствовать каждое деловое критическое замечание об их работе. Нет, разумеется, нужды, чтобы каждое такое замечание было абсолютно правильным и исходило непременно от компетентного лица; оно может быть и глубоко ошибочным и исходить от полного профана в деле, но оно должно быть ОСНОВАНО НА ФАКТАХ И ВЫРАЖАТЬ МНЕНИЕ, В ПРАВОТЕ КОТОРОГО КРИТИК БЕЗУСЛОВНО УБЕЖДЕН, ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ.

Для каждого советского гражданина это положение должно быть аксиомой, тем более оно должно быть аксиомой в стенах советского ВУЗа, центра научно-учебной жизни Края.

И если для научного работника могут быть ценными указания <стр. 6> отдельных лиц, то всесторонняя критика его деятельности на смотре кафедры должна только приветствоваться. Правда, такая критика не всегда бывает приятна, но вдумчивый и рассудительный человек всегда сумеет из своих ошибок и поражений сделать полезные выводы для будущего.

Однако, критика и критики бывают разные, и отношение к ним бывает неодинаковым. Если кто-нибудь скажет т. Стаханову:

– Ты хоть и мировая знаменитость, Алеша, но работаешь все-таки плохо, – я уверен, что т. Стаханов усмехнется и скажет:

– Верно, братишка, если поднажусь, то смогу сделать еще больше.

Но если ему скажут:

– Как ни крути, а все же ты человек политически неблагонадежный, – Стаханов просто, по-горняцки, съездит такому "критику" по физиономии.

Как это ни прискорбно, но мне придется здесь последовать примеру т. Стаханова, хотя и в более вежливой форме.

Признавая правильным ОБЩИЙ ВЫВОД, НО НЕ МОТИВИРОВКУ, что работа кафедры на известных участках (но на каких именно, это другое дело) была СЛАБОЙ и ПЛОХОЙ, я должен дать решительный отпор всем попыткам бригады сделать белое черным и наоборот.

Итак, посмотрим сумела-ли бригада и т. Феклин удержаться на высоте советских приемов критики.

Прежде всего необходимо отметить, что самый метод проведения обследования свелся к пресловутому "опросу", где-то по закоулкам без участия заинтересованных лиц, – давно уже и категорически осужденному центральными партийными органами. Так, "Правда" пишет:

"Сугубо крупные хозяйственные и политические вопросы, исключение людей из партии или снятие их с работы, все это решалось "опросом", В ОТСУТСТВИИ ОБВИНЯЕМЫХ И БЕЗ ОБСУЖДЕНИЯ. НУЖНЫ ЛИ ДРУГИЕ ФАКТЫ ОПОШЛЕНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКИХ

МЕТОДОВ РАБОТЫ..." (Подчеркнуто мною – Т. Ч.). (См. № 113 (6919) стр. 3. Отдел "На партийные темы". Статья "Серьезное предупреждение"). № от 25 июня 1935 г.

В результате – на каждом шагу вопиющие противоречия не только в оценке положения, выводах и т. д., НО И ПО МОМЕНТАМ ЧИСТО ФАКТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА, которые бросаются в глаза при чтении показаний членов кафедры с одной стороны и членов бригады – с другой. Но, вместо того, чтобы установить истинное положение вещей, путем, скажем, совместного с заинтересованной стороной рассмотрения спорного вопроса, очной ставки и пр., бригада поступает очень просто: она, говоря словами т. Феклина, – "позволяет себе сказать, что материал, полученный от преподавателей кафедры, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ СТРАДАЕТ НЕКОТОРЫМИ ФАКТИЧЕСКИМИ НЕТОЧНОСТЯМИ" (М, 9) (Подчеркнуто мною – Т. Ч.).

Т. е. убежденные седины члены кафедры, профессор и доцент, испугавшись грозных ревизоров, стали врать и вилять перед ними, как провинившиеся школьники и не постеснялись заняться самым неуклюжим очковтирательством.

<стр. 7> Не довольствуясь этим, крайне оскорбительным для каждого честного работника, голословным утверждением, т. Феклин, рассыпаясь в прах перед студентами, в отношении которых он сторонник изысканно-корректного обращения, не стесняется то здесь, то там бросать членам кафедры обвинения в старорежимности (М, 2) и антисоветских тенденциях в работе (В, 5).

Вообще полное неуважение к членам кафедры, – в отношении меня, местами доходящее до цинизма, сквозит в каждой строке отчета бригады. Надо ли после этого удивляться, что исходя из предвзятой установки о политической черноте двух старейших работников кафедры, бригада совершенно не стеснялась в средствах, чтобы, прикрываясь задачами смотра, рельефно выявить и доказать эту черноту.

Если бы бригада действительно старалась установить истинное положение на кафедре, ей, прежде всего, надо было взять за основу освещение этого положения руководящими работниками кафедры и проверить его на фактах. Я утверждаю, что мною были совершенно ОБЪЕКТИВНО, ПРАВИЛЬНО И ТОЧНО освещены все вопросы, интересовавшие бригаду, в части их, касавшейся моей компетенции были мои показания записаны бригадой неточно, это не моя вина, – записи мне на просмотр не давали.

Между тем, В ОСНОВУ ОТЧЕТА И ЕГО ВЫВОДОВ ВЗЯТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОКАЗАНИЯ СТУД. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И СЛУЧАЙНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ т. ФЕКЛИНА ПРИ ПОЛНОМ ИГНОРИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИИ, ДАННОЙ ЧЛЕНАМИ КАФЕДРЫ, И БЕЗ ВСЯКОЙ ПРОВЕРКИ возбуждающих сомнение или спорных данных, предоставленных той или другой стороной.

Однако, такая постановка вопроса пошла бы в полный разрез с той основной скрытой задачей, которую наметила себе бригада; поэтому для изыскания истины здесь не было бы места. Наоборот, БРИГАДА СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТОБЫ ПОСТАВИТЬ ВОПРОС ВВЕРХ ДНОМ.

Теперь, в ответ бригаде, я перейду к освещению вопроса ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ОСНОВАНИИ ФАКТОВ И ДОКУМЕНТОВ, КОТОРЫЕ НИКЕМ НЕ МОГУТ БЫТЬ ОПРОВЕРГНУТЫ.

I. Вопреки уверениям бригады, ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА ГРУПП НА ВСЕХ КУРСАХ ОЧЕНЬ НИЗКА.

Это подтверждает и бригада (см. выше, стр. ... п. 1 и стр.). Характерным показателем дисциплины, как известно, служит ПОСЕЩАЕМОСТЬ ЗАНЯТИЙ.

Из таблицы № 1 (см. Приложения) видно, что 100%-я посещаемость отмечена ТОЛЬКО У 3-Х СТУДЕНТОВ (5,2%) всего Кит. отделения.

Посещений от 90% и выше зарегистрировано на I к. только у 1 (на 13 чел.), на II к. – у 13 (на 19 ч.), на III к. – у 3 (на 9) и на IV к. – у 7 (на 16 ч.), следовательно 58% СТУДЕНТОВ (33 из 57) ПЛОХО ПОСЕЩАЮТ ЗАНЯТИЯ, А МНОГИЕ И СОВСЕМ ПЛОХО (70 – 25% посещаемости).

И мне, и т. Чжану все время приходится призывать студентов к порядку, т. к. В АУДИТОРИИ ВСЕ ВРЕМЯ СТОИТ ШУМ, И ВСЯКИЙ ДЕЛАЕТ, ЧТО ОН ХОЧЕТ.

Если кто-нибудь станет оспаривать это, я могу напомнить <стр. 8> такие вынужденные обращения к аудитории: "Т. т., неужели Вас на 50 минут не хватает..." Или к отдельным лицам "Если вы не успокоитесь, я буду вынужден просить вас оставить аудиторию", "Ну что у вас за язык..." Напомню также члену бригады т. Потапову случай из последних занятий на IV курсе, когда под влиянием КРАЙНЕ НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ АУДИТОРИИ я переставал понимать тексты ИЗ МНОЮ ЖЕ НАПИСАННОГО РУКОВОДСТВА.

Тов. Чжан, проявления недисциплинированности в отношении которого отмечены бригадой (см. выше стр. ... п. 1), тоже постоянно жалуется на поведение студентов.

II. Насколько правильны утверждения бригады, суммированные мною на стр. 7 и 8 в п. 2, а и б, можно судить из рассмотрения ТАБЛИЦЫ № 2., все данные которой можно проверить по моему рабочему журналу, ведущемуся НА ГЛАЗАХ У ВСЕХ СТУДЕНТОВ.

Из него видно, что:

A. НА I К. Пройдено всего 225 иероглифов. Если даже ВЫБРОСИТЬ ВСЕ СЕНТЯБРЬ, когда курс находился в периоде формирования, то на один РАБОЧИЙ день приходится ТОЛЬКО 2,6 ИЕРОГЛИФА или 13 ИЕРОГЛИФОВ В РАБОЧУЮ ШЕСТИДНЕВКУ.

На II к., жалуящемся на чрезмерную нагрузку иероглифами, дано:

по теории –	350	или	3,7 иер. на РАБОЧИЙ день
по раз. лит. ст. –	237	или	3,4 " " "
по газ. ст. –	249	или	5,5 " " "
Итого	836 иер. и		12,6 иер. в РАБОЧИЙ день

При этом необходимо заметить:

а) Подсчет произведен В НАТУРЕ, по пройденному материалу (по теории – сведения, данные самими студентами), причем, ОСТОРОЖНОСТИ РАДИ, мною засчитывались все иероглифы, внушавшие малейшее подозрение, что они не встречались в уроках теории. Поэтому я считал по разн. лит. стилю 237, а студенты 220.

При подсчете иероглифов по газете, опять принималась в расчет ТОЛЬКО ТЕОРИЯ, поэтому сюда попало много иероглифов, УЖЕ РАЗ ПОДСЧИТАННЫХ ПО РАЗГ.-ЛИТ. СТИЛЮ.

По теории подсчитано 30 иер. (почти 10%) дополнительных, хотя эти дополнительные иероглифы вряд ли могли выйти за пределы хотя бы данных в газете, и

б) При определении количества иероглифов, приходящихся на 1 день, считались ТОЛЬКО РАБОЧИЕ ДНИ, БЕЗ ВЫХОДНЫХ И БЕЗ 3-х ВОЕННЫХ ШЕСТИДНЕВОК.

Как видно, подсчет, сделанный мною, ЯВНО ПРЕУВЕЛИЧЕН, что очень легко установить проверкой, но я останавливаюсь на нём.

Итак, ПО САМОМУ ОПТИМИСТИЧЕСКОМУ ПОДСЧЕТУ в шестидневку ст. II к. получали не 80–110, а только $(12,6 \times 5) = 63$ иероглифа.

Одоление такого количества иероглифов для "нормально развитых юношей и девушек", как говорит т. Феклин, 60% рабочего времени которых (т. е. 6 часов в день при 10 час. [в] <стр. 9> Рабочем дне) отводится для занятий ОСНОВНЫМ ПРЕДМЕТОМ ИХ СПЕЦИАЛЬНОСТИ – кит. языком, дело ВО ВСЕ НЕ ТРУДНОЕ. Во всяком случае ЭТА РАБОТА НЕ МОЖЕТ ИДТИ НИ В КАКОЕ СРАВНЕНИЕ С ТЯЖЕЛЫМ ТРУДОМ САМОГО ОБЫКНОВЕННОГО, НЕ СТАХАНОВЦА, ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО ИЛИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА, ВЫПОЛНЯЕМОЙ ИМИ В ТАКОЙ ЖЕ, И ДАЖЕ МЕНЬШИЙ (7–6 час.), ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ.

Следовательно, при такой невысокой норме, я имел полное право требовать от студентов основательного ЗНАНИЯ ВСЕХ ЭТИХ ИЕРОГЛИФОВ И УМЕНИЯ ПИСАТЬ ИХ.

Однако студенты категорически заявили мне, и подтверждали это несколько раз потом, "что такую уйму иероглифов они могут только выписывать в свои тетради, но заучивать их никак не могут". Времени, дескать, не хватает. Мои доводы, что задача вполне им по плечу, и что изучать язык, не зная основ, абсурд, неизменно разбивались о дружное сопротивление группы, в результате чего СТУДЕНТЫ ЗАУЧИВАЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТЕ ИЕРОГЛИФЫ, КОТОРЫЕ ДАВАЛИСЬ ИМ НА УРОКАХ ТЕОРИИ.

Таким образом количество ФАКТИЧЕСКИ ПРОЙДЕННЫХ за семестр иероглифов свелось к 350 ИЕРОГЛ. ТЕОРИИ, т. е. к 3,7 ИЕР. в день или 18,5 ИЕР. в шестидневку.

Цифра СМЕХОТВОРНАЯ, но может быть она компенсируется высоким качеством проработки.

Увы, ответ дают данные об оценках письменных работ студентов на 12 декабря 1935 г., т. е. к началу периода особенно интенсивной подготовки к зачетной сессии – ТАБЛИЦА № 3. Из нее видно, что на I к., где много второгодников и корейцев, 5 человек из 13-ти, т. е. 38%, ПИСАЛИ ПОСРЕДСТВЕННО И НИЖЕ, а на II к. – 12 ст. из 19-ти, т. е. 65% ДАВАЛИ ТАКИЕ ЖЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. Устные занятия давали не менее, если не более безотрадную картину.

Путем огромных усилий удалось несколько выправить это положение, для чего мне пришлось за последний месяц проводить письменные работы чуть не каждый день: с 12/XII по 12/I на I к. их проведено 10, а на II – 6. Благодаря этому к концу семестра мы пришли с более высокими показателями, а на зачетной сессии еще более повысили их.

Однако спрашивается, О ЧЕМ ДУМАЛИ СТУДЕНТЫ, ДАВАЯ ТАКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НИЗКИХ, ХУЖЕ ЧЕРЕПАШЬИХ, ТЕМПАХ.

Итак, по п. 2-а (стр. 7) я считаю твердо установленным, что НИКАКОЙ ПЕРЕГРУЗКИ, НИКАКОЙ ПОГОНИ ЗА ИЕРОГЛИФОМ НЕ БЫЛО.

Студентам всех курсов прекрасно известна моя установка по этому предмету: "всякий иероглиф, который вы не умеете писать, всякое слово, которое вы не умеете поставить в вашей речи на место, – лишний сор в голове. Если вы будете прочно знать и уметь толково использовать только 2-½ тысячи иероглифов, вы уже сможете быть полезным работником, но если вы, зная весь Кан-си-цзы-дянь (44 тысячи иероглифов), не будете знать, что с ними делать – вам грош цена", – часто говорю я им.

<стр. 10> Такая установка, конечно, исключает всякую погоню за количеством, т. к. ставит во главу угла КАЧЕСТВО РАБОТЫ НАД ЯЗЫКОМ.

Значит бригада должна была установить не крайнюю перегрузку студентов, а наоборот, СОВЕРШЕННО НЕДОПУСТИМУЮ ЗАНИЖЕННОСТЬ наших норм.

Я делал все, что было для меня доступно, чтобы поднять эти нормы, а главное, добиться хорошего качества работы студентов, но все же это было в пределах ЧРЕЗВЫЧАЙНО НИЗКИХ НОРМ. Я исходил из того соображения, что для плодотворности работы над "китайской грамотой" от человека требуется широкое разностороннее образование, хорошая начитанность в специальной и общей литературе и высокое общее образование. Все это то, чего обычно не хватает нашему студенту. Поэтому, находясь в Университете, он должен использовать каждую свободную минуту времени для поднятия своего культурного уровня. Только те студенты, которые растут культурно из года в год, на деле дают в учебе прекрасные показатели. Взять хотя бы наших отличников, имена которых известны всем. Кто же остается на уровне дня поступления на Факультет, может считать, что он напрасно просидел в Университет 5 лет.

Таким образом наши студенты НЕ ТОЛЬКО НЕ ПЕРЕГРУЖЕНЫ, НО И ИМЕЮТ БОЛЕЕ ЧЕМ ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ СВОЕГО КУЛЬТУРНОГО РОСТА. Если же они тратят это время совершенно непроизводительно, это их вина, – люди они взрослые.

Б. С исключительной цинической беззастенчивостью студенты II курса жалуются на поверност[ност]ь проработки, особенно по газетному стилю, т. к. материал, РАЗОБРАННЫЙ НА ПРЕДЫДУЩЕМ ЗАНЯТИИ КАК ПРАВИЛО, НА СЛЕДУЮЩЕМ ЗАНЯТИИ ЯКО БЫ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ (см. выше стр. 7 п. 2а).

Между тем, факты таковы:

Из 50 час. газетного стиля на этом курсе 32 часа было проведено проф. Рудаковым и только 18 мною. Когда ведение элемента было передано мне, студенты на первом же занятии заявили: "на каждом занятии у проф. Рудакова мы сначала ПОВТОРЯЛИ ВСЕ пройденное на предыдущем уроке, а затем уже читали новое. Иероглифы давал нам профессор, мы их ТОЛЬКО ЗАПИСЫВАЛИ, НО НЕ ЗАУЧИВАЛИ".

Итак, у профессора Рудакова, КАК ПРАВИЛО, ПОВТОРЯЛИ.

У меня был иной план занятий, но сильно сомневаюсь, в возможности для меня, особенно в силу сложившейся в Университет обстановке, продолжения работы и во II-м семестре, я не стал из-за 18 часов ломать принятого распорядка. Как видно из журнальной записи занятий (Таблица № II), каждое мое занятие НЕИЗМЕННО начиналось С ПОВТОРЕНИЯ ПРОЙДЕННОГО.

Можно понять психологию человека, когда он бесстыдно лжет, будучи уверен в невозможности разоблачения его лжи. Но совершенно непонятна психология "нормально развитых" людей, выворачивающих наизнанку совершенно непроверенные факты, свидетелями и участниками которых является ГРУППА В 20 ЧЕЛОВЕК.

Информаторы бригады поступили бы несравненно порядочнее, если бы они сказали ей, что, несмотря на повторность проработки материала, студенты, за немногим исключением, приступали бы к повторному чтению, как и к первому СОВЕРШЕННО НЕПОДГОТОВЛЕННЫМИ. Тогда их ценное признание (стр. 7 п. 2а): "Поскольку весь <стр. 11> материал разбирается на уроке без предварительной подготовки от стороны самого студента, результаты такой... проработки ВЕСЬМА НЕВЫСОКИ" – принимает совершенно другой смысл, т. к. поворачивает свое острие против них самих.

Информируя же бригаду так, как они это делали, они ПОКРЫЛИ ПОЗОРОМ СЕБЯ И НАЛОЖИЛИ ГУСТУЮ ТЕНЬ НА ВСЮ ГРУППУ.

В. а) Не меньшим, если не большим цинизмом веет от заявлений студентов II–IV курсов ОБ ОТСУТСТВИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НАД УЧЕБНЫМ МАТЕРИАЛОМ (стр. 7, п. б).

Метод преподавания на этих курсах, яко бы, не только не приучает студентов к самостоятельной работе, но даже заглушает проявление всякой самостоятельности в учебе. Самостоятельная учеба сводится лишь к подыскиванию новых иероглифов ПО ТЕОРИИ ЯЗЫКА. Нет самостоятельности в проработке газеты.

Достаточно беглого взгляда на итоги в ТАБЛИЦЕ № 2, чтобы делать ВСЮ НАРОЧИТУЮ ЛЖИВОСТЬ ТАКИХ УТВЕРЖДЕНИЙ. Документальные данные таковы:

На самостоятельную проработку материала, НЕ СЧИТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЙ, потрачено:

на II к.	по теории	31%	и по разг.-лит. ст.	45,0%	всего времени
на III к.	"-	25%	"-	30,6%	"-
на IV к.	"-	52%	"-		

Следовательно, на самостоятельную классную подготовку текста дается от ¼ до ½ всего времени, отведенного на предмет, при чем на II к. НЕ ТОЛЬКО ПО ТЕОРИИ, КАК УТВЕРЖДАЕТ БРИГАДА, НО И ПО РАЗГ. СТИЛЮ.

Из той же таблицы видно, что на II к. по теории БОЛЬШЕ ВСЕГО времени (31,6%) уделено НА САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ, тогда как НА ДРУГИЕ ВИДЫ РАБОТЫ ушло всего от 7,5 до 26,7%.

То же самое и по разн.-лит. стилю; самостоятельная проработка – 46,2%, другие виды – 15,4 и 38,4%.

Сравнительно небольшое количество времени на самостоятельную работу на III курсе (25%) объясняется тем, что к III курсу студенты подводятся таким подбором иероглифов, что в реи тов. Молотова о второй пятилетке встречается уже очень небольшое количество новых иероглифов (2–5 на страницу).

Несостоятельность утверждения об отсутствии самостоятельной работы документально подтверждается также и формой предлагаемых мною на II к. текстов – они даются без единого знака препинания. Если бы вся подготовка ограничивалась выборкой иероглифов, в такой форме текстов не было бы никакой надобности.

На самом деле студентам всегда предлагается, выбрав иероглифы, ПРОРАБОТАТЬ ТЕКСТ САМОСТОЯТЕЛЬНО, РАСШИФРОВЫВАЯ ЕГО НА ОСНОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. Только получив от студентов заявление, что они готовы, я приступал с ними к разбору текстов. При таких условиях и эта сторона работы уже не могла иметь характера "натаскивания", преподаватель был, скорее всего, консультантом.

Этот же порядок проработки текста проводился мною неуклонно и на старших курсах, с тою разницею, что на III и IV курсах печатные тексты имеют пунктуацию.

Тов. Феклин (М., 6) утверждает: "Никаких методов по внедрению навыков самостоятельной работы не применяется. Широко практикуемая на кафедре японского языка со 2-го курса самостоятельная <стр. 12> работа студентов над переводом газетных вырезок не имеет совершенно места на кафедре кит. яз.". Советы тов. Феклина очень ценны, но, увы, они запоздали: самостоятельную работу над текстами ПО ВСЕМ КУРСАМ, а не только по газетному стилю, я начал еще 3 года тому назад, с теперешним IV курсом. Это подтверждают не только студенты, но и протоколы заседаний кафедры, Деканата и др. совещаний. Не знаю точно, когда этот же метод стали применять и др. кафедры, но во всяком случае годом или двумя ПОЗЖЕ КИТАЙСКОЙ.

Удивительно ли, что при таком обращении с для всех очевидными и совершенно бесспорными фактами, ст. представителей 3–4 курсов [Феклин] не нашел различия в методах преподавания на младших и старших курсах. Что ж, пословица говорит: "Стыд не дым, глаза не выест".

б) Недовольство студентов II курса ОТСУТСТВИЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОРАБОТКЕ ГАЗЕТНОГО МАТЕРИАЛА, казалось мне, уже было ликвидировано после моей беседы с ними по этому поводу. Но бригада опять упоминает о нем, необходимо высказаться и по этому поводу.

Китайская газет проходит у нас на II, III и IV курсах, т. е. в течение 3-х лет. На II курсе курс этот по существу является вводным, и начинать его следует со II семестра: смешно, конечно, приступать к чтению газеты с запасом в 500 иер., которым располагают второкурсники в начале года. Ни о какой самостоятельности на первых порах здесь не может быть и речи, т. к. она неизбежно выльется в пустую трату времени.

Я объяснил студентам, что газетный язык очень сложен и сильно отличается от чисто разговорного языка, с которым они пока знакомы. Мало этого. Каждый особый отдел газеты часто отличается по своему стилю от других отделов при общей им сжатости и лаконич-

ности языка, газетный текст сильно отличается от разговорного по своей грамматической структуре, кроме того еще насыщен собственными именами, часто до неузнаваемости изуродованными иностранными (типа Ли-сын-фу – Рузвельт), разными сокращениями, идиоматическими выражениями, литературными намеками и т. д. и т. п.

Для начинающего это настоящий дремучий лес, в котором без вожакого он будет блудить и спотыкаться на каждом шагу. Поэтому самое рациональное – сначала познакомиться с общим расположением материала в газете, с основными особенностями стиля разных отделов и пр. под непосредственным руководством преподавателя, а затем уже, по мере накопления навыков, переходить на самостоятельную работу, тем более что на 3–4 курсах студенты будут иметь полный простор в этом отношении. Со мной согласились, возражений не было.

К этому можно добавить еще следующее соображение. Что сказал бы профессор анатомии, если бы студенты, не прослушав еще курса общей анатомии человека, потребовали от него замены его лекций и демонстраций по этому курсу дачей каждому из них работы по изучению отдельных органов тела – кому ухо, кому глаз, кому палец. Удовлетворение такого требования имело бы, конечно, один результат: каждый студент получил бы некоторое представление о том или ином органе, но не имел бы почти никакого представления о строении человеческого тела в целом, т. е. был лишен основы знания по данному предмету.

Аналогично этому, в изучении газетного стиля, для обеспечения успеха дела, должны быть известные градации, а, следовательно, возможны и разные варианты в методике его преподавания.

<стр. 13> Г. В предыдущих (А–В) пунктах уде с достаточной полнотой выяснена ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ НЕЧИСТОПЛОТНОСТЬ приемов критики, усвоенных бригадой.

Однако, КУЛЬМИНАЦИОННОГО ПУНКТА БЕЗЗАСТЕНЧИВОЙ ЛЖИВОСТИ бригада достигла утверждением,э что "слабые не удостоиваются внимания преподавателя". "Никакой помощи отстающим студентам 1–2 курсов на лекциях не делается, на уроках теории они сидят в крайне забитом состоянии" и т. д. (см. выше стр. 8 и 9).

Это бесцеремонное выворачивание наизнанку общеизвестных фактов, конечно, может вызвать у каждого честного студента только чувство крайнего отвращения, ибо всему Кит. отд. Известно, что ДЕЛО ОБСТОИТ КАК РАЗ НАОБОРОТ.

В противоположность общепринятому среди преподавателей иностранных языков обыкновению нудно вытягивать слова из одного студента в течение 10–15 минут, причем остальные обычно читают газеты или "играют в перышки", я вовлекаю ВСЮ АУДИТОРИЮ в активную, самую напряженную работу, сплошь и рядом потогонного характера.

Сначала читается небольшими отрывками, по 1–2 фразы, и все-сторонне комментируется текст. На всех курсах, после первого тура чтения, читают ПО ВЫЗОВУ ТОЛЬКО НАИБОЛЕЕ ОТСТАЛЫЕ, тогда как наиболее успевающие, даже в первом туре ЧАСТО НЕ ВЫЗЫВАЮТСЯ (Денищенко, Потапов, Усачева, Швейковский, Пак П., Пак Е., Ситнюк, Те, Хан и др.).

Если читающий переводит текст неправильно или дает неправильный грамматический комментарий, я предлагаю внести исправления другим, НАЧИНАЯ С САМЫХ ОТСТАЮЩИХ, и только в случае неуспеха перехожу к средним и, наконец, успевающим.

На младших курсах после чтения, НА СЛЕДУЮЩЕМ УРОКЕ, т. е. после соответствующей домашней подготовки, начинается проработка материала в вопросах и ответах, но не в виде отдельных, ни чем не связанных между собою фраз, а В ФОРМЕ СВЯЗНОГО ДИАЛОГА НА ТУ ИЛИ ИНУЮ ТЕМУ, С ВОВЛЕЧЕНИЕМ В ПРОРАБОТКУ ВСЕГО РАНЕЕ ПРОЙДЕННОГО. Уже к концу первого месяца обучения студенты убеждаются, что они могут вести СВЯЗНЫЙ РАЗГОВОР в течение целого часа, а к концу семестра – 3–4 часов. ВСЕ УПОР В ЭТОЙ РАБОТЕ, имеющей целью развитие в учащихся СОЗНАТЕЛЬНО применять на практике те сведения из грамматики, которые они уже имеют, В РАБОТЕ, КОТОРОЙ Я ПРИДАЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, делается именно НА СЛАБЫХ И НЕУСПЕВАЮЩИХ.

Средние и более сильные привлекаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО в тех случаях, когда отстающий не справляется с заданным. Однако, и те и другие должны быть ВСЕ ВРЕМЯ НАЧЕКУ, чтобы мой вопрос не застал к.-н. Врасплох. Этим я достигаю того, что та часть времени, на которое имеют право успевающие, для которых ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНО ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ МАТЕРИАЛА, используется мною для отстающих, причем эти последние, если они не лентяи, подтягиваются хотя бы до среднего уровня, а средние часто переходят в хорошо успевающие (Жилко, Кириллова, Топоровская, Тэн I к.; Волковой, Курицына, Покровская, Соловьев II к.; Карловский, Куриленко, Мацко III к. и т. д.).

Что получаемая таким образом экономия во времени очень значительна, можно судить по таким данным:

Довольствуются пассивным восприятием –

I к. Вяткин, Ким Е., Пищик, Те и Хан	5 ч.	из.	13	или	38,5%	слушат.
II к. Пак Е., Пак П., Попова, Ситнюк, Усачева, Швайковский, Ян	7	"	18	"	39%	
III к. Ким, Хмарук, Хэ	3	"	9	"	33%	
IV к. Потапов и Ким	2	"	16	"	12,5	

Помимо общего подтягивания и выравнивания группы, эта система имеет и др. преимущества: сводит к минимуму отсев, дает возможность хорошо успевающим уже на первых двух курсах получить такую базу и такие навыки <стр. 14> в смысле увязки теории с практикой, которые дают возможность СТАТЬ НА ПУСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ, т. е. причает их ОТНОСИТЬСЯ КРИТИЧЕСКИ к каждой встречающейся фразе, дает мне возможность знать каждого своего студента как свои пять пальцев, В ЛЮБОЙ МОМЕНТ не делая никаких отметок в записной книжке, как это рекомендует т. Феклин, и т. д.

Что это не пустая похвальба человека с большим самомнением, свидетельствует хотя бы опыт текущей зачетной сессии на II к. Устное испытание производилось мною НЕПОПРОЙДЕННОМУ МАТЕРИАЛУ, а по текстам, заготовленным мною лично для каждого студента от-

дельно и по китайским хрестоматиям – текстам, **СОВЕРШЕННО НЕИЗВЕСТНЫМ ДЛЯ СТУДЕНТОВ**. Тексты не имели знаков препинания и изобиловали незнакомыми словами. Задача заключалась в том, что **БЕЗ СЛОВАРЯ и БЕЗ ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ СОВЕРШЕННО САМОСТОЯТЕЛЬНО, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ОСНОВЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗОБРАТЬ ТЕКСТ**.

При сдаче зачета каждый студент должен был указать мне как надо понимать данное предложение и почему, определить по внешним морфологическим признакам принадлежность слова к той или иной части речи, сделать полный синтаксический разбор, и только тогда я давал значение неизвестного студенту слова.

Какой же получился результат. Из 17 подвергавшихся испытанию **НЕ СПРАВИЛИСЬ С ЗАДАНИЕМ ТОЛЬКО 2** – Хренов и Плюснин. Остальные решили задачу вполне удовлетворительно, а перечисленные выше передовики – отлично.. Так, т. Усачева, Которой был предложен текст (печатный) в 812 (восемьсот двенадцать) иероглифов (Гуань-хуа чжэнь-нань, стр. 92, §30), справилась с ним **БЛЕСТЯЩЕ**, т. Пак П. читал..... (с листа) и т. д.

Это еще одно лишнее свидетельство в вопросе о постановке мною дела самостоятельной работы студентов над учебным материалом (см. выше стр. 21, п. В.а).

Этот опыт проводился мною не впервые. Теперешние IV-курсники – Березовский, Василенко, Рось, Кириносков помнят, что подобным образом я экзаменовал их, когда они были на II-м курсе. Разница только в том, что теперь этот опыт был поставлен значительно шире и смелее. Он был бы развернут, конечно еще шире и интереснее, если бы не бессмысленная систематическая травля, какая идет из года в год и убивает во мне последние остатки когда-то недожженной энергии.

Из вышеизложенного видно, что мое заявление т. Феклину: **"ПОМОЩЬ ОТСТАЮЩИМ – НЕ КОМПАНИЙСКОГО ХАРАКТЕРА, А ВО ВНИМАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К НИМ НА ЗАНЯТИЯХ С НАЧАЛА ГОДА"** – не пустые слова, **А ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПРОВОДИМАЯ СИСТЕМА МОЕЙ РАБОТЫ**.

Стремление же во что бы то ни стало угодить студентам часто ставит т. Феклина в смешное положение. По трафарету, на задних партах ("камчатка", "галерка") укрываются лодыри и отсталые. И вот т. т. Усачева, Швайковский и Ситнюк, лучшие студенты II к., стараниями т. Феклина попали в эту малочетную категорию (М, стр. 6, стр. 1 св.). Конфуз.

Таким образом, оказывается, что на моих уроках сидят в "забитом" состоянии товарищи, перечисленные мною по курсам как передовики на 27 стр. сверху. Такой же "несчастной" была в свое время и т. Денищенко. **ВСЯ РАБОТА ВЕДЕТСЯ СО СЛАБЫМИ И ОТСТАЮЩИМИ**.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если я в конце этого семестра перестал спрашивать т. Плюснина, то только потому, что у него при всем старании ничего не выходило, и он заявил мне, что уходит из Университета. Хренов совершенно разболтался и только тормозил работу. Я заявил ему, что пока он не сдаст мне пройденного материала на удовлетво-

рительно, я считаю лишним дальнейшую трату на него времени. Впрочем, Хренова все знают.

<стр. 15> Что это именно так, а не иначе, знают все, в том числе и члены бригады т. т. Денищенко и Потапов, знающие это лучше других. ПЕРВАЯ, НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ, ВОТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ПОДРЯД ПРИНИМАЕТ САМОЕ ДЕЯТЕЛЬНОЕ УЧАСТИЕ В ВЕДУЩЕЙСЯ ПРОТИВ МЕНЯ БЕЗОБРАЗНЕЙШЕЙ ТРАВЛЕ, И Я СМОТРЮ НА ЕЕ УЧАСТИЕ В "РАБОТЕ" БРИГАДЫ КАК НА ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИНИИ, РАЗ ПРИНЯТОЙ ЕЮ В ОТНОШЕНИИ ПОЧЕМУ-ТО НЕУГОДНОГО ЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. Почему к этому достойному занятию присоединяется и т. Потапов, я совершенно отказываюсь понимать.

Оба они знают, что все сказанное мною в этом документе, – АБСОЛЮТНАЯ И НЕОПРОВЕРЖИМАЯ ПРАВДА. Если это не так, и если им удастся доказать, что что я в чем-нибудь сфальшивил, ПУСТЬ НАЗОВУТ МЕНЯ БЕССОВЕСТНЫМ ЛГУНОМ. В противном случае предлагаю им и всем остальным членам и информаторам бригады (см. перечень их в М, стр. 16 сн. и 16 св.) самим ПОДЫСКАТЬ ДЛЯ СЕБЯ ПОДХОДЯЩУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ.

III. Бригада как-будто не понимала того обстоятельства, а вернее закрывала на нее глаза. Что она производила свое обследование не в средневековой Испании, а в XX столетии, в стенах советского ВУЗ`а. Иначе – неужели для нее не было ясно, что те приемы травли, которые документально разоблачены мною выше, в п. п. II А–Г вкл., так и разят жутким средневековьем.

Отцы инквизиторы судят "еретиков" Х. И З. Они нашли свидетелей, благочестивых католиков, которые под присягой показывают, что видели "колдунью" донну Х., летающей верхом на помеле, и что "колдун" З., превратившись на их глазах в нетопыря, выпил всю кровь из дона Диэго. Святые отцы лучше чем кто либо другой знают, что все это беспросветный вздор, но жгут несчастных – "....." – для вящей славы божией. Им надо показать свою бдительность, свою преданность св. церкви...

Но во имя чего преподаватель и целая бригада студентов ВУЗ`а ополчается на научного работника, своего же наставника, который уже 10-й год честно, как умеет, отдает все свои силы воспитанию юношества, делу подготовки из него дельных советских специалистов.

Материала нет, но как из рога изобилия сыпятся обвинения, одно лживее другого. Лгут сами, заставляют лгать и лжесвидетельствовать других; политическая инсинуация, передергивание и пр. – все это пущено в ход, чтобы в конец очернить человека. Стряпается акт в 20 полулистов. Какая нужда, что авторы сами не верят в почти ни в одну строчку писанины, – надо убрать неугодного человека и эта ель оправдывает средства.

Однако, проще было бы не развозить на 20 листах, в просто написать, что Черновецкий, мол, нетопырь в образе человека и пьет он горячую студенческую кровь. За "свидетелями", дело, как видно, не стало бы.

IV. а) По мнению бригад, в преподавании кит. языка "...УВЯЗКИ ТЕОРИИ С ПРАКТИКОЙ НИКАКОЙ", как результат слабого руко-

водства и контроля над работой преподавателя разговорной практики т. Чжана (см. выше, стр. 10 п. 35). В программах полное игнорирование работы преподавателя-национала. Никаких методических указаний или хотя бы наметок ему не дается, за исключением голой разрядки часов в одной лишь программе (стр. 10, п. а). Тут же делается намек, что все это – прямое следствие реакционно-шовинистических настроений членов кафедры: китаец, мол, что там с ним разговаривать...

Какое значение придает кафедра разговорной практике, видно уже из того, что на этот ОДИН элемент она отводит (I–IV к.) 33% всего времени (598 час.), т. е. столько же, <стр. 16> сколько преподаватели теории имеют на ВСЕ свои элементы (пр. Р. и доц. Ч. по 904 ч.).

Верно, что отдельных развернутых программ по предмету т. Чжан нет, но "наметки" ему даются в программах по курсу кит. разг. яз., составным элементом которого является разговорная практика. Помимо указаний по отдельным курсам (см. программу), после "разрядки часов" сказано:

"Материал для занятий по этим двум элементам (разг. практика и кит. каллигр. – Т. Ч.) и темпы их прохождения должны быть ТЕСНЕЙШИМ ОБРАЗОМ УВЯЗАНЫ С ТЕОРЕТИЧЕСКИМ КУРСОМ ЯЗЫКА ПО НАМЕЧЕННОЙ ВЫШЕ ПРОГРАММЕ, А ТАКЖЕ КУРСОМ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОГО СТИЛЯ".

Дебаты о характере преподавания разговорной практики как по кит., так и по япон. языку, велись до этого не один год. В протоколах заседаний обоих кафедр и Деканата много раз фиксировалось единодушное за последние годы мнение, что разговорная практика и темпы ее прохождения должны быть теснейшим образом увязаны с теоретическими курсами (сошлюсь также на живого свидетеля – Н. П. Овидиева). Следовательно, писать отдельные программы для этого элемента, это, в сущности, повторять программы по курсу кит. разг. языка.

Если мне будет указано, что программы все-таки нужны, я возражать не буду. Бумага теперь есть...

Кстати, здесь новый конфуз для т. Феклина и его бригады: "разрядка" относится не III-му только курсу, А КО ВСЕМ ЧЕТЫРЕМ. Еще одна лишняя иллюстрация к "работе" бригады... Как бригада вообще рассматривала программы, видно из "курьеза" с програм. V курса, где РЕЧЬ ИДЕТ О ПОЛЬЗОВАНИИ КИТАЙСКО-КИТАЙСКИМИ (ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО НА КИТ. ЯЗ) СЛОВАРЯМИ. Тов. Феклин и его бригада, хотя в ее составе имеется и ст. V курса, не поняли этого и рекомендуют Цы-юань с III курса.

В отчете бригады записано: "Я (Червонецкий) в свободное от лекций время посещаю занятия Чжана. Даю ему, как молодому еще преподавателю, методические указания по согласованию с теорией преподавания живой речи" (М., стр. 12).

К этому я еще могу добавить (отмечено в протоколе кафедры), что я очень часто беседую с ним по тому же предмету на переменах. Но так как бригада сразу взяла на подозрение показания членов кафедры (М, 9), то она, конечно, с такими заявлениями не считалась. Настаивать я не собираюсь...

б) Я лучше соглашусь с мнением бригады, что "...увязки теории с практикой НИКАКОЙ". НО В ОБЪЯСНЕНИЕ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ Я

ВОВСЕ НЕ СКЛОНЕН СОГЛАСИТЬСЯ С МНЕНИЕМ БРИГАДЫ И ВОТ ПОЧЕМУ:

Бригада согласна со мной, что т. Чжан – ценный для нас работник (М, 5), но отмечает бессистемность в его преподавании, отсутствие подготовки к урокам, работу только наиболее активными студентами (см. там же). Причина, по мнению бригады, – отсутствие методического руководства со стороны кафедры и специальных программ. (М, 12 сн.).

Однако дело совсем в другом. ВО ВСЕМ СВОЕМ ОТЧЕТЕ БРИГАДА НЕУКЛОННО ПРОВОДИТ МЫСЛЬ, ЧТО РЕЗУЛЬТАТ УЧЕБЫ ЗАВИСИТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. Лично от себя она не заикнулась НИ ОДНИМ СЛОВОМ о влиянии на эти результаты РЕШАЮЩЕГО ФАКТОРА – ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К СВОЕМУ ДЕЛУ. Замечания проф. Рудакова (М, 10) и мои (М, 10 вверху и внизу, 11 вся, без середины, 12), а между тем в них С ИСЧЕРПЫВАЮЩЕЙ ЯСНОСТЬЮ И ПОЛНОТОЮ ВСКРЫТЫ ПРИЧИНЫ НИЗКОГО КАЧЕСТВА УЧЕБЫ НА КИТ. ОТД. Не только по разговорной практике, но и по всем остальным элементам языка.

<стр. 17> Это вкратце; РАЗНОРОДНОСТЬ ГРУПП В НАЦИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ (слабое знание русского яз.) И В СТЕПЕНИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, НИЗКАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА; ОТСУТСТВИЕ ИНТЕРЕСА К СВОЕЙ РАБОТЕ; УНЫЛОЕ НАСТРОЕНИЕ; НИЗКОЕ КАЧЕСТВО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРОРАБОТКИ МАТЕРИАЛА В КЛАССЕ; СЛАБАЯ РАБОТА НА ДОМУ; КУСТАРЩИНА В РАБОТЕ – каждый студент сам себе метод, указания преподавателя большинством игнорируются; НЕВЫСОКИЙ ОБЩИЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ; НЕЗНАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ; ОТСУТСТВИЕ СТРЕМЛЕНИЯ ПОВЫСИТЬ СВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ – студенты обычно ничего не читают кроме задаваемых уроков и т. д. К этому надо добавить ЛЕНЬ И РАСХЛЯБАННОСТЬ ОДНИХ (Тур, Хренов и др.) И БЕЗНАДЕЖНОСТЬ ДРУГИХ (Шемякин, Плюсин).

Прекрасную иллюстрацию к этому дает III курс: Кан и Хэ едва владеют русским языком, за 3 года пребывания в университете оба не выросли в этом отношении ни на йоту. Мацко и Карловский работают, но очень слабо подготовлены; Козырева не признает грамматики, о настроениях Кузнецовой уже писала "Трибуна Университета"; Куриленко слабо подготовлена и все время болеет; Хмарук, по собственному признанию, бросил заниматься и увлекся общественной работой, и только одна Ким С. Может считаться полноценной студенткой. А разве это курс особое исключение.

Тов. Феклин с возмущением говорит о моем "старорежимном" взгляде на безнадежных студентов. Рекомендую ему посмотреть протоколы своей кафедры и подсчитать, сколько безнадежных регистрируется там на каждом заседании. Если же ему не охота рыться в бумагах, пусть ответит мне на один вопрос: куда девала японская кафедра т. Котвицкого и почему.

Конечно, заниматься дешевой демагогией, как это делает т. Феклин, куда легче, чем смотреть правде в глаза, а тем более открыто признавать ее.

Картина будет еще ярче, если припомнить сказанное выше, на стр. 5, п. 1 и стр. 16, п. А).

Не думает ли бригада, что пропуски занятий проходят без вреда для успеваемости студентов. Очевидно, думает, т. к. этим вопросом она **СОВЕРШЕННО НЕ ЗАНИМАЛАСЬ**. А между тем, как видно из моих данных, 58% студентов посещают занятия **ПЛОХО**.

<u>Темп работы</u>	2,6 иер. в день или	13	в шестидн.	на I к.
	3,7	18,5		на II к.
<u>Качество работы</u>	38% студентов I к. знали и это ничтожное количество знаков ПОСРЕДСТВЕННО и ХУЖЕ и 63% от ст. II к. давали такие же результаты (стр. 18).			

Казалось бы, и этого достаточно, чтобы понять, почему работа не клеится. Но главное заключается не только в малом количестве усвоенного, сколько в полном неумении распоряжаться своим словесным капиталом.

На каком уровне стоит в Университете авторитет членов кафедры можно уже судить по отношению к ним обследовательской бригады, которая, не взирая на признание их большой эрудиции (В, 2), буквально третирует их..... (как каналов).

Авторитет китайского рогульщика или неучащегося студента старшего курса гораздо выше первого, потому что "он же китаец", а второго, как носителя "прогрессивных идей", вроде немедленно упразднения иероглифов, замены пекинского диалекта жаргоном владивостокской "миллионки" и т. д.

Благодаря этому, методические указания преподавателей, особенно важные при изучении восточных языков, студентами совершенно игнорируются. Студент искренне считает, что преподаватель надоедает ему своей грамматикой просто как старый педант, и что грамматика нужна только для зачета, в разговоре <стр. 18> же и на письме с нею никто не считается, все идет "суй бянь". И вот студент, даже удовлетворительно знающий китайскую грамматику, обычно конструирует китайскую фразу в точности по-русски: шан на-р на цюй-ла цзинь тянь – должно обозначать – куда ты ходил сегодня, а на счет цзинь-тянь станет уверять, что "так говорят китайцы".

Теперь, мне кажется, совершенно ясно, почему не успевают многие наши студенты, и почему пассивны у т. Чжана неуспевающие.

С чем приходит студент на урок. На I-м курсе он знает ничтожное количество слов. К этому скудному запасу на II к. прибавляется очень немного, т. к. студенты забили себе в голову, что для них обязательны только иероглифы, получаемые ими на уроках по теории языка.

Студенты всех курсов жалуются на излишнюю опеку – мало, извольте ли видеть, самостоятельности в работе. Но с переходом на III-й курс, когда подстегивавших диктовок уже нет, они **ТОЛЬКО ВЫПИСЫВАЮТ ИЕРОГЛИФЫ В ТЕТРАДИ, НО ПИСАТЬ ИХ НЕ УЧАТСЯ**.

Поэтому, как это ни парадоксально, студенты старших курсов читают часто хуже, чем на младших, т. к. иероглифы знают только "приблизительно", "на глазок" и путают их самым безбожным образом.

Произношения лучше не спрашивать, тут уже каждый по своему, кто во что горазд. А если вы выразите недоумение, что студент IV

курса не умеет писать самого простого слова вроде "дао" – дорога – или "чжи" – знать, то он наивно скажет вам:

– Да ведь это с I курса. Мы уже успели все позабыть.

Эта сцена была в вашем присутствии, т. Потапов, не правда ли.

Между тем общеизвестно, что если Вы не умеет писать иероглифа, то вы его и не знаете. Тов. Топоровская очень обиделась, когда я в зачетной диктовке поставил ей 4 вместо 5, как она ожидала. А она до сих пор не различает иероглифов "тянь" – небо и "фу" – мужчина, и слово вчера пишет цзо-фу, вместо цзо-тянь.

Напомню также недавний случай на IV курсе, где тов. Березовский наругал т. Чжану за то, что тот задает "непонятные вопросы", а вопрос был примерно такого типа: "вы пришли сюда пешком или приехали на трамвае", т. е. целиком из репертуара I курса.

ВОТ В ЭТОМ И КРОЕТСЯ ПРИЧИНА ОБЩЕГО НЕУСПЕХА РАБОТЫ ПО КИТ. ЯЗЫКУ ВООБЩЕ, а значит и по разговорной практике: студент сидит на уроке "С ПУСТЫМИ РУКАМИ". Слов он не знает, а попытка ИЗУЧАТЬ ЯЗЫК БЕЗ СЛОВ есть, выражаясь словами бригады (М., 11) "ВРЕДНАЯ ФИКЦИЯ, НУЖДАЮЩАЯСЯ В ДОЛЖНОМ ОТПОРЕ, ДОСТОЙНЫЙ ОСМЕЯНИЯ АБСУРД". О грамматике и произношении говорили выше.

Преподаватель разговорной практики и письменную, и устную инструкцию – теснейшим образом увязывать свою работу СО ВСЕМ тем материалом, который студенты получают от других преподавателей китайского языка.

На I курсе он ограничивается материалом учебника, на II – постепенно вводит материал из газеты, на III – ведет беседу по материалам речи Молотова, о второй пятилетке – по газете, на IV – использует свежие кит. и русские газеты для живой беседы на темы дня.

Казалось бы, вполне определенная программа действий. Но что же может сделать самый лучший преподаватель, если студент даже IV к. затрудняется "прийти пешком в Университет".

Тов. Чжен, чтобы оживить слишком сухой материал "пятилетки", <стр. 19> начал писать очень интересные рассказы: "Медвежья свадьба" (изложение содержания кино-картины) и др., но на втором или третьем уже бросил, т. к. студенты не проявляли к этому делу на малейшего интереса (III к.). Человек он корректный, но и он часто волнуется, выходит из себя и жалуется, что у него совершенно опускаются руки при такой работе.

V. Кто виноват в такой постановке дела, это вопрос другой, но одно можно сказать с уверенностью, что ни изысканно-корректный пр. Рудаков, ни просто-корректный т. Чжан, ни "аки лев рыкающий и иский кого поглотити" Червонецкий тут РЕШИТЕЛЬНО НИ ПРИ ЧЕМ.

Могла ли бригада не знать об этом положении. Конечно нет. Не с Марса же она свалилась, все свои факультетские. Так почему же она молчит, почему не завопит на весь Университет.

Бригада усвоила себе взгляд на студента, как на какого-то недоросля, у которого уже от одного взгляда на "цифирь" болит голова, который без дядьки не может ступить ни шагу. Отсюда сюсюканье и дешевая демагогия чуть ли ни на каждом шагу отчета.

Я не могу так смотреть на советского студента. Я РАССМАТРИВАЮ ЕГО КАК НОРМАЛЬНОГО ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА, В БОЛЬШИНСТВЕ ПАРТИЙЦА ИЛИ КОМСОМОЛЬЦА, который ДОЛЖЕН ОТЧЕТЛИВО ОСОЗНАВАТЬ СВОЮ ОБЯЗАННОСТЬ БЫТЬ АКТИВНЫМ СТРОИТЕЛЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ВСЕ СВОИ СИЛЫ И СПОСОБНОСТИ ОН ДОЛЖЕН НАПРАВИТЬ НА ДОСТИЖЕНИЕ МАКСИМАЛЬНО ДОСТУПНОГО ЕМУ УСПЕХА В УЧЕБЕ И НА ПОДНЯТИЕ СВОЕГО ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ.

Отсиживаться-же в Университете пять лет на стипендии только потому, что носишь высокое звание студента, по-моему, последнее дело.

Ошибочен также взгляд бригады на преподавателя и его роль на факультете. Она видит в нем "человека в футляре", который ради "20-го числа" должен безропотно терпеть всяческое оплевывание и заушение [?] и танцевать под дудку любого развязного студента.

В противоположность этим, заимствованным из практики старого замоскворечья, взглядам, я считаю себя прежде всего гражданином, гражданином не какого-нибудь Уругвая, а великой советской страны, а потом уже преподавателем. Поэтому я считаю своим долгом учить своих слушателей так, как велит мне моя наука, не приспособляясь ни к каким антинаучным взглядам, как бы модны они не были и от кого бы они не исходили.

Государство доверило мне один из ответственных участков работы, и в соей деятельности я могу иметь в виду только интересы государства и только с точки зрения этих интересов рассчитывать каждый свой шаг.

Могу ли я проходить равнодушно мимо той картины, которую представляет собой наше отделение. Нет, и трижды нет. Я стараюсь всеми доступными мне средствами – убеждение, упрек, угроза, педагогическим, административным и общественным воздействием, ирония, обращение к сознательности, к гражданскому чувству и т. д. – действовать на студентов, чтобы хоть сколько-нибудь выправить положение. Тем, у кого "рыльце в пушку", это, понятно, не нравится, и долг бригады был-бы сказать им:

– Товарищи, вы пожинаете то, что сами сеете...

Бригада же, в своем стремлении повсюду петушком, петушком поспеть за студентами, представляет это как "дидактические разглагольствованиа", как брюзжание зазнавшегося формалиста, как проявление анти-советских тенденций в преподавании.

Этим, как и всем своим отчетом, она сознательно замазывала глаза университетской общественности и направляла ее негодование по ложному следу.

VI. Мне [о]стается сказать еще немного по поводу остальных замечаний бригады, суммированных мною на стр. 9, п. 3, но еще <стр. 20> оставшихся без ответа.

По п. а) Неверно указание бригады, что программы по кит. яз. – лишь краткий перечень, тому свидетель сами программы. Но дело не в них, и если надо их улучшить, я не возражаю. Замечу только бригаде, что если-бы т. т. Стаханнов, Гвахария и мн. другие держались так за свои программы (думаю, что они были не хуже программ япон. ка-

федры), как за них держится бригада, мы вовсе не увидели бы стахановского движения, а наши заводы – прибылей.

2. На II и III к. к. прорабатывается одна и та же брошюра т. Мартынова.

Во-первых, я не собирался вести курс р.-л. языка, он предназначался для т. Лихаревского. Во-вторых, когда выяснилось, что курс поведу я, я выбрал для II к. подходящие рассказы из сборника "Хуан лао-ци", но перед самым началом занятий выяснилось, что сборник изъят из-за принадлежности одного из его составителей к троцкизму.

Ничего прочного на книжном рынке не было, а так как меня научили уже дуть и на воду, то я, в простоте душевной, решил: "пока т. Мартынов на свободе, и я могу быть покоен". Скажут, что это эгоизм. Возможно, но сами же меня этому научили...

По п. в) Передергивая на ходу, бригада приписывает мне мнение о невозможности латинизации современного китайского языка. Цель явная – погуще очернить человека политически.

Я не знаю, как записал т. Феклин мои слова, но я ему такого вздора не говорил и не мог говорить.

Моя точка зрения на латинизацию в развернутом виде дана в моей докладной записке Наркому Просвещения т. Бубнову от 17/IV-1935 г., в копии представленной директору и СНР ДВГУ. Записку эту т. Самойлов возил в Крайком ВКП(б), и мое отношение к латинизации не встретило никаких возражений со стороны этого, надеюсь, и для бригады компетентного, органа.

Поэтому возвращаться здесь к изложению своих взглядов считаю лишним.

В моей беседе с т. Феклиным речь шла о СОСТОЯНИИ ВОПРОСА В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ, О ДОСТИГНУТОЙ ПОКА стадии развития, а вовсе не о проблеме в целом.

Если т. Феклин "забыл", что я ему говорил о сферах латинизации, то его услугам книга ак. Алексеева "Кит. иерогиф. письмен. и ее латинизация", стр. 67 и 94.

По п. г) Рекомендовать литературу на иностранных языках полезно только тем, кто с нею может справиться. На русском языке новая, к сожалению, еще не написана, а всего, что вышло ранее 1935 года, студент боится пуще огня и считает вообще "устарелым" и политически опасным.

Грамматика Шмидта не годится, в ней есть такие евангельские тексты, как "не плотников-ли он сын". Отте издан в 1916 г, а кит. литературный язык меняется, как известно, с каждым новым набором на Востфак ДВГУ. Из имеющейся литературы я рекомендую очень ценные пособия Усова и Брандта. Берут, но не прорабатывают – старо.

Раздавал брошюры с легким разговорным текстом на пекинском языке, но ни переводов, ни брошюр потом не получал. В прошлом году, по просьбе т. Найдюковой, порекомендовал ей проработать известное сочинение Сун Ят-сэна – "Сань минь чжун", представляющее настоящую энциклопедию по всем отраслям знания, изложенную при помощи всего 2300 иероглифов. Друзья т. Найдюковой убедили ее, что это – маневр "классового врага", стремящегося заразить ее сунятеновским пониманием социализма, и книжка была заброшена.

<стр. 21> По п. ж) Почему нет студенческого кружка – ясно из общей картины.

По п. з) Неправильно утверждение бригады об отсутствии оперативной работы кафедры по производственной практике.

Все студенты были снабжены подробными программами. Для III к. была составлена на кит. яз. обширная "анкета по обследованию кит. населения", которая могла служить прекрасной канвой для бесед студентов с китайцами.

В организации работы студентов в Лен.[инской] школе, помимо руководителя – меня – принимали живейшее участие и Зав. уч. частью, т. Файнерман. А как отнеслись к этому студенты. Чисто формально.

– Мы не обязаны работать более 6 час. в день и приходить сюда еще и вечером не станем, – заявили они мне, и к 20 июня, за 10 дней до срока, группа растаяла, как дым.

Если студент не будет сам активен, никакой руководитель ему не будет в прок.

По п. и) Студенты никогда не чувствовали существования кафедры как организации, направляющей и определяющей всю их учебную жизнь" – заявляет бригада.

Во-первых, чтобы "чувствовать", необходимо иметь вполне отчетливое представление о предмете. Может-ли судить о руководстве техническим процессом, скажем, сталеварения или производства каучука, если не знаешь ничего, кроме того, что из стали делают ножи, а из каучука – галоши. При этом отношении к изучению кит. яз., которое проявляют наши студенты, их представления о предмете ушли не дальше этих.

Во-вторых, очень трудно чувствовать, когда даже на заседаниях не бываешь.

Бригада, повидимому, представляет себе кафедру, как какую-то говорильню, на которой произносятся трескучие речи, пишутся многообещающие резолюции и имеется... большая для них корзина.

Может быть в чьих нибудь глазах, например, членов бригады, эти атрибуты и нужны, но в глазах руководящих работников кафедры они не имеют никакой цены. Они люди не безопасные, кое-что знают, понимают друг друга с полуслова и признают одно – работу и работу, не покладая рук. Пр. Рудаков скажет о себе сам.

О себе лично скажу следующее:

1. За десять лет моей работы здесь не было случая, чтобы мои курсы не были обеспечены руководствами.

Если таковых не было, я писал их сам. С 1928 г. II курс не знает учебников кроме моих. За десять лет я выпустил разных учебников и руководств в количестве около 1000 печ. страниц.

2. Прикованный к креслу пр. Рудаков не мог принимать активного участия в борьбе со всякими левацкими загибами и антинаучными установками на Кит. отд., и всю эту борьбу мне пришлось выносить на своих плечах. Напомню некоторые этапы этой борьбы.

а) Борьба за правильное соотношение часов теоретических элементов языка и разговорной практики, против взглядов б. зав. отд. т. Скворцова, считавшего, эти элементы "излишней роскошью", "ненужным придатком" к живой речи (свид. т. Овидиев. Засилье Бадмаева. Уход П. Ф. Ануфриева). Теперь мы такое правильное соотношение имеем.

б) борьба за литературный язык. Она началась еще в 1924 году (выступления т. Ищенко и др.) и продолжалась вплоть до 1934 года, когда курс т. Денищенко, под всякими благовидными предложениями, старался заменить литературный язык чтением <стр. 22> газеты "Рабочий Путь". Эта борьба может быть прослежена по протоколам Деканата; она проходила на глазах у т. т. Войлошникова и Овидиева. В настоящее время лит. язык не только занимает подобающее ему место в учебном плане, но и обогатился таким важным элементом, как классический литературный стиль.

г) борьба с попытками полного упразднения иероглифов. Она должна быть памятна многим по нашумевшей истории с поголовными "неудами", выставленными мною на II к. (3–4 года назад).

Теперь о таких диких проектах нет и речи, но в то время сопротивление им считалось ничем иным, как "сопротивлением проведению ленинской национальной политики" (выступление т. Шабалкина), проявлением крайней реакционности. Чего мне стоила вся эта борьба, можно судить по прошлогодней моей истории.

д) Бригада и студенты Отделения должны знать и понимать, что новый учебный план Востфака, которым мы вправе гордиться, не свалился с неба, не "спущен сверху", а явился результатом борьбы кафедры за рациональную, отвечающую требованиям науки, постановку преподавания на факультете. Не могут они также не знать о той роли, которую играли члены кафедры, и в частности я, в разработке этого плана, и наконец,

е) Борьба за дисциплину и за высокое качество учебы, которую я веду изо-дня в день, и о которой достаточно уже сказано выше.

Теперь спрашивается, кто-же "организовал и направлял". Те-ли, кто прилагал все усилия, чтобы развалить Кит. отд. Своими нелепыми "проектами", или члены кафедры, отстаивавшие научную постановку работы на нем – не взирая на всяческие издевательства и травлю, которую неустанно вели против них разные невежественные люди – и обеспечившие студентам-китаистам широкую возможность стать полноценными советскими специалистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне кажется, что как истинное положение дела на кафедре, так и характер работы бригады очерчены мною здесь с достаточной яркостью, и мы можем перейти к окончательным выводам.

Я уже согласился с заключением бригады, НО НЕ ПО ЕЕ МОТИВАМ, что кафедра работала слабо и плохо.

Оценивая работу бригады, надо признать, что она, как построенная целиком на лжи, подтасовках и передергиваниях, вела к замазыванию глаз общественности Университета, к грубейшему искажению действительности, с целью отвести общественное внимание в сторону от истинного положения дела и направить его по ложному пути, а также вновь натравить его на одного из старейших работников кафедры. Таким образом, по существу она направлена к дезорганизации производства и, следовательно, как стоящая на грани вредительства, должна быть признана ПОЗОРНОЙ.

Настоящий случай далеко перерастает рамки травли одного научного работника – он свидетельствует о вопиющем разложении, внесенном в жизнь факультета господствовавшим на нем режимом предшествующих лет.

Д. В. Гос. Университет слишком высокое культурное учреждение Края, чтобы в нем могли быть терпимы порядки, на почве <стр. 23> которых возможны такого рода гнилостные процессы. Поэтому прошу Вас возбудить перед Дирекцией ходатайство о полном и всестороннем расследовании всех обстоятельств работы бригады т. Феклина, с последующей передачей результатов расследования на суд общественного мнения Университета.

г. Владивосток
28 января 1936 г.

п. п. доцент Т. ЧЕРВОНЕЦКИЙ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Таблицы № № I–III.

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 28–3

Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 4

DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/82-106

Publication is prepared by Yaroslav A. BARBENKO,
Ph.D. (in History), Associate Professor, Department of Political Sciences, FEFU (Vladivostok, Russia).
E-mail: prohist@ya.ru

For citation: Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 4 // Oriental Institute Journal. 2021. № 4. P. 82–106. DOI: 10.24866/2542-1611/2021-4/82-106